

УДК 82-32(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-56-64

Рассказ И.С. Шмелева «Чужой крови»:
поэтика и имагология

Елена В. Папилова

*Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)
им. И.М. Губкина, Москва, Россия, lennochka@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется малоизученный рассказ И.С. Шмелева «Чужой крови» о солдате Иване Грачеве, попавшем в немецкий плен во время Первой мировой войны. Работая в хозяйстве немецкого бауэра в деревне Грюнвальд, русский солдат с удивлением наблюдает чужие порядки: немецкий уклад жизни – контраст привычному ему. Цель исследования – проанализировать рассказ с позиций имагологии, привлекая текстологический, сюжетный, проблемный и другие методы анализа. В статье рассматриваются стереотипы восприятия немцев русским и наоборот – русского немцами, их представления друг о друге, уровни «отчуждения/чуждости» наций друг другу, анализируется межнациональная суть конфликта Ивана и Фрица, приведшего к гибели героя. Автор обращается к исторической канве событий, замечая, что И.С. Шмелев специально, для усиления контраста страданий Ивана, репрезентировал русский миф о преувеличенном благополучии Германии. В статье делается вывод об антитезе как основном способе построения рассказа, подчеркивается роль фольклорных мотивов. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью данного рассказа И.С. Шмелева в целом и в имагологическом ключе в частности.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, «Чужой крови», Первая мировая война, немецкий плен, антитезы «свой–чужой», «русский–немец», национальный характер, этностереотип, имагология

Для цитирования: Папилова Е.В. Рассказ И.С. Шмелева «Чужой крови»: поэтика и имагология // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 56–64. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-56-64

© Папилова Е.В., 2024

Ivan Shmelyov's short story "Alien's blood". Poetics and imagology

Elena V. Papilova

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU)

Moscow, Russia, llenochka@mail.ru

Abstract. The author of the article investigates the poorly studied I. Shmelyov's story "Alien's blood" about the Russian soldier Ivan Grachev who was captured by Germans in the World War I. While working for the German Bauer in the village of Grünwald the Russian soldier observes the life of Germans with surprise: their lifestyle as a contrast to what he is accustomed to. The aim of the research is to analyze the story from the point of view of imagology, involving textual, plot, problematic and other analysis methods. The author considers the stereotypes of perception of Germans by the Russian man and vice versa, their ideas of each other, investigates the alienness of the two nations and analyzes the core of the conflict between Ivan and Fritz, which eventually led to Ivan's death. The author refers to the historical context of the events noticing that Shmelyov represented the Russian myth about the exaggerated welfare of Germany on purpose, in order to make the contrast of Ivan's suffering stronger. The article concludes about antithesis as the main way of constructing the story, underlines the role of folklore motifs. The novelty of the research is conditioned by the insufficient study of the mentioned story by I.S. Shmelev in general and in the imagological key in particular.

Keywords: Ivan Shmelyov, "Alien's blood", World War I, German captivity, antitheses "native – alien", "Russian – German", national character, ethnostereotype, imagology

For citation: Papilova, E.V. (2024), "Ivan Shmelyov's short story "Alien's blood". Poetics and imagology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 56–64, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-56-64

Рассказ «Чужой крови» был написан И.С. Шмелевым в 1918–1922 гг. Действие происходит во время Первой мировой войны. Солдат Иван Грачев 26 лет, из крестьян деревни Скворцовки Тульской губернии, попадает в немецкий плен и оказывается распределенным в качестве батрака к бауэру по фамилии Браун. Более трех лет проводит он на ферме в Грюнвальде, выполняя сельхозработы. Однажды, желая удивить немцев и доказать им свое превосходство, Иван поднимает огромную тяжесть. Он побеждает, но вынужден заплатить дорогую цену – собственную жизнь.

А.И. Солженицын назвал это произведение «замечательно удачным рассказом», «безукоризненно точным сопоставлением и столкновением русского и немецкого характеров» [Солженицын 1998, с. 186]. Рассказ подвергался разбору С.В. Шешуновой в ее книге «Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева» [Шешунова 2017], где ему посвящена небольшая глава. Других литературоведческих работ по рассказу не обнаружено. Однако он заслуживает более тщательного анализа, поскольку богат имагологическим материалом, наполнен этно-стереотипами. Новая обстановка, в которую попадает Иван, совсем не похожа на привычную ему: «домики под железом и черепицей, стеклянный блеск парников... будто из обожженной глины, тонкие церкви-кирки острили крестики в небо»¹, «куда ни глядел Иван, видел: вылощено, выточено все, как игрушка! Да где ж деревни? Всюду цветная черепица, заборчики из бетона, – будто в усадьбе скворцовского барина» (с. 377). Хозяйство Брауна удивляет Ивана порядком: «Было чисто, как на конском заводе Прошина: ни сенинки. Мальчишка щеточкой подбирал навоз. Стало смешно Ивану: постоем даже не пахнет» (с. 375). Осматривая добротное устроенное хозяйство бауэра, он «ходит, разинув рот». Заметив удивление, Браун хлопает его по плечу, хвастливо комментирует: «Культур!» (с. 379). Аккуратность, педантичность немца и удивляет Ивана, и – одновременно – рождает усмешку, неприятие:

Скучно, – отзывается он об однообразии немецкой жизни, но Браун не способен понять такой оценки. – С зари до зари шмурыжите, никакого удовольствия никому. Черти в аду так маются. Куда тебе столько? <...> А все жадность ваша. С жадности и войну начали, людей неволить (с. 379).

Иван замечает, как все члены семьи педантично выполняют порученную им работу, тянутся за каждой копейкой: сын Мориц катит в городок Вербин за газетами для Грюнвальда, дочь Катринхен, надергав редиски, салату и клубники, везет все это на рынок, – «а к вечеру уж и деньги у немца звенят в кармане» (с. 379). Даже 5-летний Людвиг не без дела: собирает по двору перышки и за год насобирал их на целую подушку.

За три года жизни на чужбине Иван выучил язык, пел немецкие песни и ловко ругался, по воскресным дням прогуливался по Грюн-

¹ Шмелев И.С. Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1960. С. 375. Далее рассказ цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

вальду, заходил в кирку, форсил купленным для шика хлыстиком, который Браун считал пустой тратой. Свыклись немцы с русским и даже сажали его за один с собой стол. Хозяин ценил его как работника: «Русский Иван – золотой парень, парень – сила. Из него выйдет хороший немец» (с. 383), – говорил он, иногда даже спрашивал у него совета, дивился, как хорошо тот умел работать топором, знал печное дело и кирпичную кладку. Ловкость и работоспособность Ивана очевидна всем немцам – и не раз слышит он предложение остаться в Германии, когда кончится война. «Нет, вы не *дикий* русский Иван, вы совсем наш, Йоганн. Из вас будет хороший немец» (с. 384), – говорит ему Тереза. Иван не соглашался, скучал по дому. Получив из дома посылку с ржаными сухарями (Брауну они не пришлись по вкусу) и письмо сестры (она писала, что «очинь живетца плоха, ничево нету» (с. 383)), с неделю ходил сам не свой, видел во сне мать-старуху, будто она искала его в *заснеженном поле*, а он из сугроба голоса подать не мог. Сон, равный яви: и жив Иван, и хочет вернуться на родину, да не может.

Многое в новом окружении рождает неприятие Ивана. Сам вид немцев ему противен: «Все было ему тошно в немце (в Брауне. – *Е. П.*): подрагивающий курдюк, <...> суковатая палка с гайкой, заплатка на шапке, вонючая сигарка», толстуха-хозяйка трактира, «грудастая и бокастая, круглоглазая, как овца», Тильда (с. 375, 379). Ивану кажется, что над ним, рваным и худым, смеются. Браун называет его *dumm* (глупым), картофельной головой (*Kartoffelkopf*). В адрес русских летят и другие нелестные эпитеты: дикие, ленивые, дураки. Иван не остается в долгу – зовет немцев *чертями*, учит Тильду, что «невестка» по-русски – «кобыла», а «муж» – «кобель», – и та, дождавшись на побывку мужа, запыхавшись, весело кричит Ивану: «Кобель приекаль» (с. 382). Немецкие слова даются Шмелевым в русской литерации, а произносимые немцами русские слова отражают фонетические особенности их произношения.

Прожив три года в Германии, Иван остается чужим среди немцев. Слово «чужой» трижды встречается на страницах рассказа. Сначала – когда немецкая кирка называется «*чужой*, скучной иглой-церковью» (с. 378), рождая чуждость религиозно-конфессиональную; во второй раз – во время помолвки Терезы с Генрихом, когда Иван особенно остро ощущает свое одиночество: «Обида! Взяли его всего, взяли его работу, а все *чужой*. Скотина милей хозяину!» (с. 389), – это отчужденность в отношениях. Наконец, отчуждение бытовое, когда из надорвавшегося от подъема тяжести Ивана хлынула кровь, окрасила протянутое ему молоко в розовый цвет, и Тильда вскрикнула от испуга, а Фриц усмехнулся: «Что... *чужой* еще крови не видала» (с. 393).

Все три года Иван одинок, не встречается никого из своих, за исключением одного такого же пленного солдата, который, увозимый на работы, успевае́т крикнуть: «Покажут они нам кузькину мать, *черти!*» (с. 377). Тильда, в отсутствие мужа, тайно забегает к Ивану на свидания. Тереза, к которой у Ивана возникает чувство влюбленности, хотя и не отвечает прямым отказом, но хранит верность находящемуся на фронте жениху, а Ивана как бы оставляет про запас, на случай, «если убьют» Генриха («чудные эти немки: скромницы, а такое скажут», – удивляется Иван). На празднование их помолвки Ивана не приглашают. В разгар веселья немцев Ивана «захватило тоской», он слушает, как на счастье бьют молодым посуду, и напивается пивом. Он особенно одинок ночью после поднятия тяжести: кровь залила всю рубаху, «томила жажда. Не было подле Ивана *человека*». Герой обречен на одинокую смерть среди «нелюдей».

В ситуации одиночества героя особый смысл обретает эпизод с дроздом. Прирученный Брауном, он живет в клетке, и Иван, по-видимому, чувствует общую с птицей несвободу. Он выпускает ее из клетки, но та забивается обратно. Птица – по привычке, а Иван – по обстоятельствам остаются пленниками немца.

Помимо посылки с письмом с родиной его связывают воспоминания: плетение сестрой кружев на коклюшках, «вольные луга Скворцовки, росяные покосы, вешние соловьиные раскаты... как ходил по лугам с гармоньей, как хороводился с девками в овражках» (с. 389). Серебряный «заветный» рубль, подаренный на проводах сестрой Дашей, Иван берег как залог счастья: не отдал ни санитару, ни медсестре в госпитале, не разменял в немецком трактире, хранил в кисете и, играя им, вспоминал о доме. По дороге в больницу, предчувствуя смерть, предложил его Брауну, но тут же выбил из рук и бросил в пруд. Подразнил заветным подарком и тут же отнял, давая понять, что не примирился со своим положением, не поделится самым дорогим, что у него есть. Рассказывая об этом дома, Браун говорит: «У него уже помутилось... – показал на голову Браун. – Он зашвырнул в пруд свой серебряный рубль, *две марки!*» (с. 395). Для немца этот рубль – лишь эквивалент двум маркам, и объяснить поступок Ивана иначе как помутнением рассудка он не может.

Иван – выходец из народной среды, ему свойственно патриархальное сознание, потому в его речи часты пословицы и поговорки. Рассмотрим это подробнее. В русской культуре одним из слов, дразнящих немца, является слово «колбаса» (Немец – шмерец, копченый, колбаса, колбасник, сосиска²), и Иван обзывает Брауна

² *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. Т. 1. СПб.: Литера: ВИАИ, 1997. С. 286.

«колбасой» (с. 377). Так же именуется Иван немца в шуточной песенке, которую поет: «Йех, журучка-журавель, / Журавушка-журавель! / Немец-перец *колбаса*, / Купил лошадь без хвоста!» (с. 385).

Слово в слово совпадает с русской поговоркой реплика Ивана «Немец обезьяну выдумал», оброненная им в тот момент, когда Браун водит его по своему хозяйству. Устройство его таково, что сами собой напрашиваются собранные Далем «У немца на все струмент есть», «Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)». Сам сюжет рассказа, тот ключевой момент, что русскому удалось «утереть нос» немцу, заткнуть его за пояс, созвучен пословицам: Русский немцу задал перцу; Русские немцев за пояс заткнул (шапками закидают); Прусский гут, а русский гутее³. Подспудно этот стереотип восприятия немцев подталкивал Ивана к тяжбе с реальным противником. Шмелев художественными средствами ярко воплотил бытующие в русском народном сознании стереотипы восприятия чужестранцев-немцев. При этом рассказ «Чужой крови», как и другие произведения Шмелева, по мнению Е.Г. Рудневой [Руднева 2024, с. 15], продолжил работу Даля по созданию энциклопедии русской речи (не случайно Солженицын использовал их при создании своего Русского словаря языкового расширения).

В рассказе немцы, получая с фронта новости о победах, веселились, съедали «целого кабана, гусей 2 пары и кроликов 2 десятка. Выпили 40 литров пива и 4 бутылки шнапса. Сытые и веселые ходили», танцевали свой «шибер» (с. 387). В патриотическом запале обвили портрет кайзера еловыми и дубовыми ветвями, грозились перетопить все вражьи пароходы и захватить всю, до Сибири, Россию. Дедушка Терезы мечтал о теплой шубе из русского медведя и о лисьей шапке. Пьяный Клюпф стучал по столу, грозился пустить из француза красное вино, а из англичанина – черный портер. «Унзер кайзер убер аллес», «Германия выше всей Европы!» (с. 380, 388) – кричали немцы. Самодовольство немцев задевало Ивана за живое, пленному солдату тяжело было наблюдать торжество врагов его страны. Тем сильнее становилось его желание «накласть» им, «сбить шапку», и тут же понимал: «...не собьешь, – *машина*» (с. 380). Машина – это четко организованный, исправно функционирующий механизм устройства всей Германии, налаженный быт каждого домохозяйства, поколебать которые кажется невозможным. Если не сбить, то хотя бы «*удивить* бы их, *чертей*», – не раз произносит Иван.

Возможность сделать это не заставила себя долго ждать. Пьяный Клюпф, обозвав Ивана грязной русской свиньей, полез было

³ Даль В.И. Указ. соч. С. 286–287.

в драку, но остановлен Брауном, защищающим своего работника: «...совсем и не похож на *дураков* и *лентяев* русских!» (с. 390) – говорит он. Но именно эти слова «заступника» задели Ивана за живое: «Врешь, герр Браун! Как был русский, так и остался русский, а не кабан, не немец!» (с. 390). Ссора переросла в состязание в силе – кто поднимет больше 5-пудовых мешков с землей. Немец осилил четыре, но закачался, скинул. Тогда Иван просит нагрузить на него пять (409,5 кг), при этом приплясывает и пытается шутить, пока не падает без сознания на землю.

Клюпф признал силу Ивана: «Вставай, Ифан! Вставай, *русский медведь!* <...> Ты сильнее всех, кабан! Хох! Выпьем, мой друг, на брудершафт!» (с. 393). Прагматичный Браун ругает «глупую игру», жалеет своего работника. А сам Иван, исходя кровью, едва выговаривает: «Плевать». С.В. Шешунова точно замечает, что у русского человека в изображении Шмелева, в отличие от немца, отсутствует чувство меры [Шешунова 2017, с. 114]. «Не знаешь ты меры, Иван, – вот и потерял силу, – говорит Браун. – Всё это твоя глупость. Надо и шутить разумно» (с. 393). Примечательно, что имя Клюпфа – Фриц; Иван и Фриц – самые народные имена двух наций – выступают противниками в рассказе. Важно и то, что Иван вступился не столько за себя, сколько за всех русских, огульно названных Брауном дураками и лентяями, – именно поэтому Иван заявляет, что он как был русским, так им и остался.

Кровоизлияние в легкие на фоне боевого сквозного ранения в грудь заканчивается смертью героя. В «чистой» палате медпункта дежурный доктор записал в журнале: «Русский пленный. Иван Грачев, 26 лет, № 24727 <...> Прекрасно выраженный экземпляр славянского типа» (с. 395) и приказал перенести труп в прозекторскую.

Обратимся к исторической канве событий. Иван попал в плен «в Августовских лесах, по осени», т. е. в битве под польским городом Августов осенью 1914. А развязка рассказа приходится на май 1917. На этот момент в России уже свершилась Февральская революция, и можно предположить, что односельчане Ивана грабили барскую усадьбу в Скворцовке. По мнению Шешуновой, в душе Ивана таился «такой же потенциал *разрушения*» [Шешунова 2017, с. 117], проявлявшийся в том, что он мечтал отобрать у Брауна хозяйство («Эх, шапку бы сбить да *загрести* все!», «Эх, *перетащить* бы в Скворцовку!» (с. 381, 394)) и лишить Терезу девственности. Следует согласиться с мнением Шешуновой, что в лице Ивана автор воспроизвел совершенно безрелигиозный внутренний мир простого русского человека начала XX в. Наряду с достоинствами в нем есть и недостатки: при отсутствии внутреннего стержня он руководствуется своими желаниями и эмоциями – как добрыми,

так и низменными. Гибель Ивана нелепа; его самоубийственный поступок, хотя и спровоцированный поведением немцев, в антисоветском мировоззрении Шмелева олицетворяет самоуничтожение русского народа в революции.

В рассказе никто из жителей Грюнвальда не получает с фронта похоронок, и вся Германия предстает как царство стабильного благополучия. Однако в действительности дела обстояли иначе: к весне 1917 г. в Германии был уже голод, потери немецкой армии были огромны, она была обречена на поражение. И все же Шмелев репрезентует русский миф о безбедно живущем Западе. Вероятно, это было необходимо автору, чтобы контрастнее, на фоне благополучия немцев, изобразить страдания русского пленника.

Многие современники считали Шмелева истинно русским писателем. Так, К.Д. Бальмонт назвал его «самым русским из современных русских писателей» [Бальмонт 2007, с. 464], знатоком русской души. Вероятно, поэтому ему и удалось так верно создать образ пленного русского солдата. Этот образ дан в сопоставлении с немцем, в антитезе «свое/родное – чужое/чуждое», а концепт «родное», как показала Т.А. Махновец [Махновец 2004, с. 56–79], обладал для Шмелева особой значимостью. Рассказ построен на множестве противопоставлений: бытовой стороны жизни двух стран, русской хаотичности и немецкой упорядоченности, разной душевной организации представителей двух наций – эмоциональности Ивана и рациональной рассудочности Брауна и членов его семьи. Как религиозно ориентированный автор Шмелев показывает также конфессиональную разницу (кирхи остаются для Ивана чужими). Русский солдат, хотя и способен оценить немецкий уклад жизни, видит его сильные стороны, но не принимает его, напротив, в нем рождается социальная неприязнь: в восприятии Ивана немецкие бауэры похожи на русских бар, а не на крестьян. В рассказе сильны фольклорные мотивы: обилие в речи Ивана поговорок, его образ как силача, мотив поединка, в котором русский доказывает свою правоту, хотя и погибает. В рамках небольшого рассказа Шмелев ярко сопоставил русский и немецкий национальные характеры.

Литература

Бальмонт 2007 – *Бальмонт К.Д.* Шмелев, которого никто не знает: К 35-летию литературной деятельности Ивана Сергеевича Шмелева // И.С. Шмелев. Крестный подвиг. М.: Собрание, 2007. С. 457–465.

Махновец 2004 – *Махновец Т.А.* Концепция мира и человека в зарубежном творчестве И.С. Шмелева. Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. 146 с.

- Руднева 2024 – Руднева Е.Г. О творчестве И.С. Шмелева. 4 этюда. М.: МАКС Пресс, 2024. 212 с.
- Солженицын 1998 – Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых»: из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 7.
- Шешунова 2017 – Шешунова С.В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М.: Ленанд, 2017. 194 с.

References

- Balmont, K.D. (2007), “Shmelyov who no one knows: To the 35th anniversary of the literary activity of Ivan Sergeevich Shmelev”, Shmelyov, I.S., *Krestnyi podvig* [The Cross Heroic Deed], Sobranie, Moscow, Russia.
- Makhnovets, T.A. (2004), *Kontseptsiya mira i cheloveka v zarubezhnom tvorchestve I.S. Shmeleva* [The concept of the world and the person in I.S. Shmelyov’s works written abroad], MarGU, Yoshkar-Ola, Russia.
- Rudneva, E.G. (2024), *O tvorchestve I.S. Shmeleva. 4 etuda* [About the works of Ivan S. Shmelyov. 4 Essays], MAKS Press, Moscow, Russia.
- Solzhenitsyn, A.I. (1998), “Ivan Shmelyov and his ‘The Sun of the Dead’. From ‘The literature collection’”, *Novy Mir*, no. 7.
- Sheshunova, S.V. (2017), *Natsionalnyi obraz mira i mezkulturnaya kommunikatsiya v tvorchestve I.S. Shmeleva* [The National World Image and Intercultural Communication in Ivan S. Shmelyov’s works], Lenand, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Папилова, кандидат филологических наук, доцент, РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 65, к. 1; llennochka@mail.ru

Information about the author

Elena V. Papilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russia; bld. 65-1, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; llennochka@mail.ru